

11.11.95.

Меня Андре

Культура. — 1995. — Ноябрь. — С. 7.

Малиновый звон Андриса Лиепы

Екатерина Катковская и Андрис Лиэпа в балете "Жар-птица"

СМЕНА АМПЛУА?

Светлана САМСОНОВА

Уже пять лет работает в Мариинском театре и живет в Петербурге Андрис Лиэпа. Чем не юбилей! И мы решили встретиться с ним.

— Помимо перемены места, у вас, кажется, еще и перемена в личной жизни?

— Да, в мае я обвенчался с Катей Катковской, балериной нашего, Мариинского, театра. Венчание было в Никольском соборе как раз в день Николая-чудотворца. А потом мы отправились в свадебное путешествие. Оно было не совсем обычным — 12 дней мы провели на корабле вместе с паломниками, посетили святые места. Незабываемые впечатления!

— Значит, Петербург и Мариинка принесли вам личное счастье. А творческое?

— Я очень доволен, что судьба привела меня в Мариинский театр. Здесь я выносил, обдумал и начал воплощать свою идею, возможно, главную идею своей жизни. Я имею в виду возрождение спектаклей начала века, созданных великими художниками, артистами и музыкантами. Я с

большим пиететом отношусь к этим постановкам, хотя, разумеется, восстанавливая их, приходится учитывать, что сейчас не конец, а начало века. Именно в таком "ракурсе" я реставрировал триптих дягилевских "Русских сезонов" — "Жар-птицу", "Шехеразаду" и "Петрушку".

— Но вы к тому же поставили "Сказание о невидимом граде Китеже и деве Февронии" Римского-Корсакова. Спектакль, как говорят, имел большой успех в конце прошлого года во Франции и на Эдинбургском фестивале. Как это вы, балетный человек, рискнули взяться за оперу?

— Мне все жанры интересны, кроме скучных, конечно! Когда Валерий Гергиев предложил мне постановку "Китежа", я сразу же загорелся. Целый год сидел в архивах, запасниках, много чего нашел, и эти находки очень мне помогли в сценическом решении. Удалось разыскать несколько эскизов декораций Ивана Билибина, исходя из них мы с художниками Анной и Анатолием Нежными и сделали оформление. (Опера "трехцветная", каждый акт имеет свой цвет: первый — красный, второй — синий, третий — белый). А к "Сечи при Керженце" сделали занавес "по Рериху".

У Асафьева я прочитал, что первоначально опера называлась "Малиновый звон", и решил сделать колокол образом

всего спектакля. А детали выискивал в замечаниях самого композитора.

Он, между прочим, назвал "Китеж" самой неоперной оперой, ведь в ней масса песнопений и молитв. Мы поставили ее полностью, открыли все купюры — спектакль идет четыре часа.

— Будете и еще что-то делать в опере?

— В Риге, в новом театре оперы и балета, есть возможность поставить "Демона" А.Рубинштейна, оперу, почти совсем забытую.

— Может, балет у вас вообще уже отошел на второй план?

— Ни в коем случае. Во-первых, в театре у меня ученики, ведь я работаю педагогом-репетитором, и это мне очень нравится. Кроме того, лелею мечту восстановить еще некоторые балеты "Русских сезонов". В Парижской опере я нашел клавир "Синего бога" — этот балет в 1912 году Фокин поставил для Нижинского. Либретто написал Кокто, а декорации были сделаны по эскизам Бакста. Еще хотелось бы воссоздать "Блудного сына" и "Весну священную".

— Очевидно, вы сейчас ощущаете творческий взлет?

— Сейчас у меня, как и у всякого мужчины в этом возрасте, — переломный момент. Мне 33 года. Многое и разное хочется попытаться сделать. Одно знаю твердо: работать хочу прежде всего в России. ●